

Из произведений
Константина Алексеевича
БОРОВИНА.

Бумажные фонари. 1898 г.

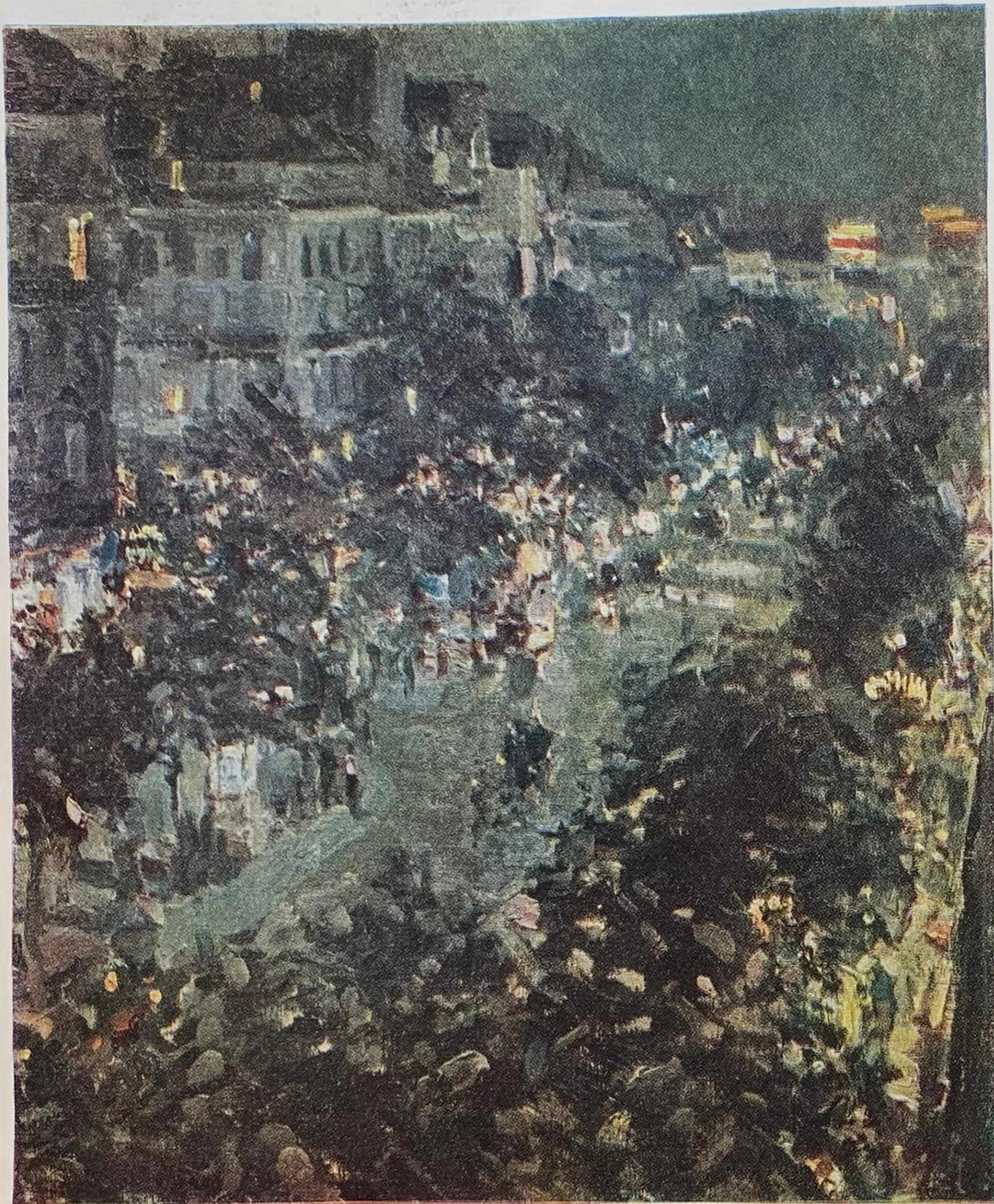
Сарай. 1900 г.

Рыбы, вино,
фрукты.
1916 г.

Гаммерфест.
Северное сияние.
1894—1895 гг.

Париж ночью. Итальянский бульвар. 1908 г

К НАШЕЙ
ВКЛАДКЕ.

Д. САРАБЬЯНОВ

ПРАЗДНИК КРАСОК

Каждый большой художник по-своему видит окружающий его мир. И не только видит, но и изображает. Стиль живописца можно сравнить с почерком человека. Один медленно и старательно выводит каждую букву, другой пишет размахисто и темпераментно, третий — энергично и точно. Нередко почерк одного человека напоминает почерк другого. А иногда начертание букв оказывается столь необычным, что вы ни за что не перепутаете его с другим.

У Константина Коровина свой, неповторимый, ярко выраженный стиль. Его «почерк» оригинален: он непосредственно выражает характер художника, его особое представление о земной красоте. Стоит лишь на мгновение остановить свой взгляд на коровинской картине, чтобы тут же определить: «Это Коровин». Его ни с кем не перепутаешь. Правда, у Коровина были подражатели. Но подражать неповторимому смешно. Такое подражание равносильно подделке.

В стиле Коровина выразилось все то, что было присуще художнику: темперамент, ощущение творческой свободы, вера в красоту мира, легкое, даже несколько бездумное отношение к жизни.

Да, Коровин легко шагал по жизни. Ему быстро давалось то, над чем долго и упорно работали другие. Хотя и не сразу, к нему пришла слава. Ему не надо было мечтать о земной радости: он находил ее всюду вокруг себя. Его почитали художники и любители искусства. Собиратели картин «гонялись» за его полотнами. Еще более упрочила славу Коровина его работа в театре. Декорации и костюмы художника долго не сходили со сцен Большого и Малого театров в Москве, Мариинского — в Петрограде.

И тем не менее Коровину и его наследию далеко не всегда везло. Последние годы жизни — с 1924 по 1939 год — он жил в Париже, вдали от Родины, полузабытый, утративший прежний творческий импульс. Смерть его прошла почти незамеченной. Наследие его почти не изучалось. Только в последние годы оно систематизируется и исследуется. Между тем Коровин — это один из тех русских художников, которые на самом деле достойны памяти. Его искусство живет сегодня, оно дает нам радость; мы будем наслаждаться им завтра.

Коровин принадлежал к поколению живописцев, которое начало свою деятельность в 80-е годы прошлого века. В это десятилетие наивысшей точки развития достигло искусство «старших» передвижников, и прежде всего Репина и Сурикова. Но уже начинало формироваться новое поколение. Среди художников этого поколения Коровин по праву занимает одно из ведущих мест вместе со своим товарищем по Москов-

Константин Коровин. Портрет работы В. Серова.
1891 год.

скому училищу живописи, ваяния и зодчества Левитаном, рядом со своим другом Серовым. Коровин родился сто лет назад, в 1861 году. Левитан был старше его на один год. Серов — на четыре.

Первые работы Левитана, Коровина и Серова, обратившие на себя внимание художников и зрителей, ясно свидетельствовали о новых исканиях русской живописной школы.

Это были искания художественности, лиричности, правды и красоты видения мира, непосредственности передачи своих чувств и переживаний. Художники подчас отпаивались от социальной заостренности своих произведений, от тенденциозности, присущей «старшим», но они обретали свежесть, красоту, пластическое и живописное богатство.

Особенно сходной была в то время программа у Серова и Коровина. Оба они стремились писать светлое, радостное, отрадное, воспевать красоту мира, свежесть, юность. У Серова эта программа породила бессмертных «Девочку с персиками» и «Девушку, освещенную солнцем». Для Коровина она была особенно важна тем, что утвердила творческие принципы, которым он не изменил в течение всей своей жизни.

В это счастливое десятилетие русской живописи Коровин создал целый ряд интересных пейзажей, в которых уже предчувствуешь будущие достижения художника. Он пишет также прекрасные портреты хористки и известной русской оперной актрисы Т. С. Любатович. Эти произведения — плоть от плоти 80-х годов, в них те же признаки «живописного обновления», что и в серовских девушках. Коровин открывает новые возможности в живописи. Природа, воздух, человеческая кожа, одежда начинают сверкать в его полотнах неповторимыми красками, переливаться многочисленными оттенками.

В это время у Коровина складываются определенные привязанности к тем или иным жанрам живописи, темам, сюжетам. Пока он работает в пейзаже и портрете. Позже к этим двум жанрам прибавится третий — натюрморт. Если художник изображает какую-либо жанровую сцену, она оказывается неотделимой от пейзажа. Чисто «коровинской» становится любовь к северной природе. Коровин, по сути дела, «открывает» Север для живописцев. Но в то же время его тя-

нет во Францию — в Париж, где идет кипучая художественная жизнь, где еще работают великие французские импрессионисты, оказавшие столь большое влияние на Коровина. Париж знакомит художника с современными веяниями европейского искусства. Русский Себер дает свое, национальное. И эти два начала как бы сливаются в коровинском творчестве воедино.

В 90-е годы Коровин предпринял несколько поездок на Север. В одной из них принял участие Серов. Для Коровина эти поездки были особенно плодотворны. Серые, холодные краски природы Вологодской и Архангельской губерний, широкие водные просторы укрепили художника на том пути живописных исканий, который был начат еще в 80-е годы. Коровин начинает писать широким, сочным мазком, словно передающим нам ощущение влажного воздуха, наполняющего пространство. Он разрабатывает целую симфонию серебристо-серых цветов, не боясь соединять их с яркими — красными, синими, оранжевыми.

Одна из больших картин Коровина, находящаяся в Третьяковской галерее, свидетельствует о том восхищении, которое вызывала у художника северная природа — не только русская, но и скандинавская. Эта картина — «Гаммерфест. Северное сияние». В ночном пейзаже норвежского порта, в зданиях, стоящих на морском берегу, как неприступные скалы, в покинутых людьми лодках есть ощущение суровости Севера. И в этой суровости — особая красота, которая становится еще более улакающей благодаря причудливому сиянию, озарившему темно-синее небо.

Но далеко не всегда Коровин стремился изображать что-то необыкновенное. Он умел открывать в самом обычном неповторимую красоту. Когда художник изображает людей на фоне природы или в окружении каких-то предметов, он выбирает самые обычные, самые простые ситуации. Вот, например, женщина на дачной веранде, развешивающая фонари, сделанные из бумаги («Бумажные фонари»). Казалось бы, что можно извлечь из этих простых мотивов, не дающих никакого повода для эффектных композиций?

Однако под коровинской кистью это самое простое становится сверкающим. Почти в каждом холсте Коровина есть своя — пусть маленькая — цветная «находка», свое открытие. В одноцветном воспроизведении эти картины теряют почти весь свой смысл. Мы не поймем, например, картину «Бумажные фонари», если не увидим ее цветовых сочетаний — то смелых, даже резких, то нежных и тонких.

Поражают своими «находками» русские пейзажи Коровина. И здесь он обращается к самым простым мотивам. Он изображает то запряженные лошадей сани, стоящие у избы, то мост, ведущий через речку, то край деревни с высокими домами и заборами, то сарай. Чаще всего это этюды, написанные с натуры. В пристрастии к этюду выразилась своеобразная художественная концепция Коровина. Он любил писать натуру такой, какой она была перед его глазами, непосредственно, свободно, писать, как поет песню. Коровинские этюды содержат не меньше красоты и выразительности, чем большие законченные картины иных художников. Эти этюды несут в себе непосредственно выраженные чувства, они передают всю влюбленность художника в природу, его восторг перед найденным мотивом, его темпераментное, зажигающее зрителя вдохновение.

Эти этюды отличает какая-то особая живописная смелость. Когда смотришь небольшую холст «Сарай», сразу видишь, что все здесь сделано быстро, решительно, вдохновенно, с каким-то неподражаемым «попаданием». Не зря критики и художники говорят о коровинском «абсолютном глазе» по аналогии с абсолютным слухом больших музыкантов. И действительно, как точно найдено здесь соотношение зеленых трав и красного пятна женского платья! Как умело соединены тонкие переходы серых, коричневых, глухо-зеленых цветов с резкими контрастами и яркими цветовыми «ударами»!

В пейзажах Архангельска и Подмосковья, Парижа или Гурзуфа, в портретах и натюрмортах — во всем всегда поражает артистизм. Великолепна та легкость кисти, которая словно заражает вас творческим порывом. Но эта легкость у Коровина не только результат высокого таланта, но и плод огромного труда, которого не видно, ибо он остался «за спиной» художника, дав ему право творить свободно и безошибочно.

«Надо, чтобы знание и большой труд.. лежали там — позади творчества», — так сформулировал Коровин одно из важнейших правил искусства. Сам он неуклонно придерживался этого правила.

Пожалуй, наиболее ярко артистизм Коровина проявился в его пейзажах Парижа. Он любил изображать городские улицы вечером или ночью, когда горят огни фонарей и разноцветными пятнами загораются окна, когда сливаются в красочном месиве прохожие, экипажи, деревья бульваров. Он писал парижские кафе на улице под деревьями; тесные безлюдные улочки, уходящие лентой вдаль, или широкие площади, заполненные народом. Чаще всего писал сверху, откуда-нибудь с балкона, когда перед глазами развевалась чарующая панорама вечно живого города — города поэзии и искусства.

Вот, например, «Париж ночью. Итальянский бульвар». Невольно вспоминаются парижские бульвары и улицы, написанные Монэ и Писсаро. Но Коровин чем-то отличается от них. Он более декоративен, многоцветен. Французы сдержаннее, тоньше. У Коровина больше темперамента, динамичности. Для него Париж — это не только тонко увиденная жизнь улицы в ее вечном движении, но и великолепное зрелище, своеобразное «пиршество» для глаз.

Не только Париж привлекал Коровина этой своей «зрелищной красотой». И в крымских пейзажах, которые создавались в течение первых двух десятилетий XX века, Коровин находит единство жизненной непосредственности и декоративности. Перед вашими глазами будто встает черноморский берег с светлым движением людей, парусников, парусных лодок, свежим ветром, дующим с моря и поднимающим волну. Но эта жизнь преображена на холсте в ликующую феерию, сотканную из атомов света, воздуха и цвета.

«Зрелище вещей» тоже было своеобразной темой коровинского творчества, особенно в поздний его период, когда художник стал увлекаться натюрмортом. Не все натюрморты Коровина хороши — в некоторых чувствуется известная салонность. Но есть у Коровина такие холсты, изображающие «мертвую натуру», в которых вещи будто оживают, излучая полную, яркую красоту.

Цветы, фрукты, овощи, рыбы, посуда — вот предметы, которые любил писать Коровин. Когда смотришь на его натюрморты, кажется, что художник «застигает» все эти предметы в естественном, даже случайном соотношении друг с другом. Но потом начинаешь понимать, что они почти всегда умно и точно «расставлены» — так, чтобы можно было сопоставить яркие красочные пятна, заставить каждый цвет звучать наиболее интенсивно, чтобы холст был организован ритмом цветовых акцентов и живописных мазков.

Натюрморты Коровина не столько заставляют вас медленно, постепенно проникать в тайны «мертвой природы», сколько поражают вас сразу же своей яркой зрелищностью.

Интерес к этому качеству природы особенно обострился у Коровина в начале XX века, когда художник стал активно работать как театральный декоратор. В этой области талант художника развернулся в полную силу. Коровин стал одним из тех мастеров театральной декорации, которые вдохнули в этот вид искусства подлинный артистизм.

Сам Коровин прекрасно сформулировал ту цель, которую ставил он перед собой в работе над декорациями. Он писал:

«Краски и формы в своих сочетаниях дают гармонию красоты... Краски могут быть праздником глаз, как музыка — праздником уха души. Глаза говорят вашей душе: радость, наслаждение... Краски — аккорды цветов, форм. Вот эту задачу я поставил себе в декоративной живописи театра балета и оперы. Мне хотелось, чтобы глаз зрителя тоже эстетически наслаждался, как ухо души музыкой. Неожиданностью форм, фонтаном цветов мне хотелось волновать глаза людей со сцены, и я видел, что я даю им радость...»

Эту программу Коровина — театрального декоратора — можно распространить на все творчество художника. Строгому критику эта программа может показаться узкой и односторонней. Однако тот, кто действительно любит искусство, умеет воспринимать его непосредственно и способен поддаваться его чарам, всегда будет благодарен Коровину за незабываемый «праздник глаз».

—